

Мимо твоего дома

Звук колес чемодана порядочно достал Варю. Сначала по полу вагона поезда — глухой рокот спотыкался на стыках покрытия, потом по перрону — разбегался эхом под навесом, по гладкой плитке станций метро — тонко повизгивал пластиком, и, наконец, брызгал каплями по мокрому асфальту. Варя боялась услышать в мешанине скрипа и стука щелчок. Он означал бы, что тонна изоленды все-таки не смогла удержать треснувшую ось.

Чемодан остался инвалидом после недавней экспедиции, тяжелая сумка с ноутом оттягивала плечо, а через другое наискось висело самое ценное — чехол с камерой. Стоило выйти на «Поликлинике», Варя жила как раз напротив. Точнее, Варины родители жили. Но нет, выскочила у аптеки, оправдав себя рефлексам.

Голова слегка кружилась. Дом Егора был практически за остановкой — немного пройти под деревьями мимо детской площадки. Варя вытащила наушники, спрятала их в кейс, чтобы не пропустить, если кто-нибудь окликнет. Был соблазн заявиться к Егору прямо сейчас. Но не так — не с поезда, с грязной головой и глазами как у кролика-альбиноса. Решила же, что не станет устраивать сюрпризов, но все равно вышла у аптеки.

Варя не удержалась и подняла взгляд на знакомые шторы. Все те же — темно-синие. Так странно, у Вари за эти годы целая жизнь прошла, а Егор даже занавески в комнате не сменил! Подъезд Егора остался прежним. Дверь нараспашку, как всегда в теплые месяцы, темные ступеньки, запах мокрого бетона вперемешку с кошачьими метками, коляски под лестницей. Варя осознала, что выглядела жалкой — специально отиралась около дома Егора, не решаясь подняться! Дождь побежал быстрее, и Варя ускорила шаг, надвинув на лицо капюшон.

Ветра не было, но Варя слышала шум. Словно радио оставили включенным, а эфир закончился. Вряд ли источником звука стали редкие капли да два с половиной дерева у детской площадки. Так мог шуметь лес. Или Варина тревога пополам с нежностью в ушах.

Вдруг Варя поймала странное ощущение: будто свернула не туда, хотя она никуда не сворачивала. Впереди торчал многоэтажный домище, резко выделяясь среди знакомого пейзажа.

Серый, песочный, коричневый — явно новехонький, стекло и бетон. За ним — еще один. Такой же высоченный и чуждый. Варя позабыла про Егора и, не глядя, двинулась через дорогу в направлении огромной практически пустой парковки во дворе гиганта. Водитель, только-только свернувший с Центральной улицы, с присвистом тормознул и посигнализировал. Варя не обратила на него внимания, дернула ручку чемодана — тот с тревожным хрустом вкатился на бордюр.

«Спортивная 3» — гласила синяя табличка. И кругом — никого. Да, шел дождь... Но теплый же. Для

такого большого дома парковка выглядела постапокалиптически пустой. Не пищали сигналки, не хлопали двери. Как будто жители в один миг исчезли, сразу с машинами. Или уехали, спасаясь от внезапного бедствия. Варя принялась осматриваться — бывшее здание музыкалки оставалось на месте. А вот рядом с ним выросли два городских монстра.

Варя настойчиво пыталась вспомнить вид улицы до появления новостроек. Спортивная, 3, Спортивная, 1? Кажется, именно два дома. Уютные четырехэтажки, кирпичные, с маленькими балконами, заваленными хламом. Варя знала, что они были в этом месте, но едва могла вспомнить, как именно «были». Близко к дороге? В глубине? С большими дворами? С палисадниками? С детской площадкой? Абсолютно точно тут росли деревья — над головой не серело небо, а переплетались ветви и мельтешили листья.

Сколько раз Варя с Егором ходили по этой дороге! По этой ли? Мимо бывшей музыкалки к Вариному дому. Здесь Варя стояла, прощаясь с окнами Егора, когда он сам уже уехал с мамой на море после поступления в универ. А Варя собрала жизнь в один чемодан, в этот же, перемотанный изолентой, и получила от тети электронный билет на «Сапсан».

Дождь шумел все сильнее. Но на лицо и руки Вари не упало ни капли. Варя сделала шаг, другой — под ногами словно была почва, а не асфальт. Чемодан не хотел ехать, колеса вязли и запутывались. Шум скорее походил на шелест листвы при сильном ветре, чем на резвый стук дождя. Откуда-то потянуло затхлой лесной сыростью.

Мимо прошла женщина, едва не задев Варю плечом. Варя уже собралась крикнуть вслед: «По сторонам смотреть не пробовали?», но загляделась на винтажный плащ и косынку. Коричневые колготки в рубчик и сумка на колесиках говорили скорее о том, что женщина просто не меняла гардероб со времен Горбачева. Правда с перестроечными вещами плохо сочеталась бодрая походка.

Женщина шла как-то странно — обходила, пере-шагивала, хотя асфальт на парковке был новым, а ливневки — хорошими. Луж или грязи не наблюдалось. Женщина чуть не снесла зеркало у одной из припаркованных машин, но не изменила ни ритма, ни скорости шагов — спокойно двинулась к красной «хонде». Варя убеждала себя: это наверняка была машина той женщины, сейчас она начнет шарить по карманам в поисках ключей, и раздастся писк сигналки. Но нет. Варя осознала, что не услышала ничего, кроме все более и более навязчивого шелеста. Ни цоканья каблучков старомодных туфель, ни грохота колес сумки-тележки. У Вари пробежал холодок по позвоночнику. Женщина не остановилась перед «хондой», не врезалась с разгона в пассажирскую дверь. А просто прошла насквозь — по дорожке, которая существовала только в прошлом. К подъездам уже снесенной кирпичной четырехэтажки на Спортивной, 1, приземистой и длинной — куда длиннее нового дома. Тот-то тянулся ввысь, а прежний практически упирался в бывшую музыкалку, не обращая внимания на новенькую парковку. Только линия молоденьких деревьев на месте нынешних фонарей, только трава, теперь закатанная в асфальт, прорастала через разметку.

Варя видела даже лавку у палисадника, на ней сидел мужик в майке-алкашке и тапках — достал сигарету из красной пачки, поплевал на пальцы, смял кончик и вставил его в деревянный мундштук. Раскурил, закашлялся. Кивнул женщине в косынке. Она кивнула в ответ и зашла в подъезд. Домофона не было, просто тяжелая дверь. На одном из окон первого этажа висел пожелтевший тюль и стояла рассада. Красной «хонде» было абсолютно до фонаря и на женщину, прошедшую через нее, и на курившего мужика, и на рассаду. И на Варю.

Варя стояла, не двигаясь. Во рту пересохло, а в ушах шумело, как перед обмороком. Хотелось сделать что-нибудь — закричать, пробежаться, чтоб вернуть миру привычную форму.

Вместо этого Варя потянулась к чехлу. Была у нее такая привычка — хвататься за камеру в любой непонятной ситуации. Если получалось снять, то происходившее оставляло след в реальности. Ремень сумки с ноутом окончательно сполз с плеча, резко врезался в локтевой сгиб. Боль оказалась почти спасением — такое понятное и простое чувство. Варя выругалась. Щедро, от души, матеря и загадочную женщину, и собственную неуклюжесть, и новостройки.

— Разве можно так ругаться! Да еще и девушке! — пожурила Варю бабулька. Она только что вышла из стеклянного подъезда новенькой высотки. Современная такая бабулька, во флисовой курточке, со смартфоном в руках.

— Можно, — машинально огрызнулась Варя, поправила сумку, ремень снова оттянул плечо, а Варя направилась к «хонде», немного опасаясь, что и сама сейчас окажется... Где?

«Хотела вспомнить, как тут все выглядело раньше — вспомнила», — сказала Варя сама себе и подергала ручку пассажирской двери «хонды», — «спать надо больше». Окрестности огласил вой сигнализации. А Варя поспешила прочь, пропустив мимо ушей недовольное цыканье бабульки.

Путь мимо старой доброй Спортивной, 7 успокаивал. Но новостройки все еще неуместно торчали за спиной, заставляли Варю то и дело оглядываться.

За деревьями показалась родительская девятиэтажка и знакомая детская площадка с красными башенками, напоминавшими Кремль. На восьмом этаже в третьем окне слева горел свет. Желтый и такой домашний, что Варю потянуло развернуться и уехать. Она вздохнула. Но хотя бы здесь все оставалось по-прежнему. Никаких новостроек, сквозь которые просвечивали бы скелеты старых домов. У Вари всегда было хорошее воображение. Но сейчас она ощущала четкое дежавю. Она уже видела такое, и не «где-то», а на собственных снимках. Хотелось как можно скорее включить ноут и перерыть папки с исходниками.

Очередным препятствием стал новый домофон. Варя вбивала код снова и снова, будто дело было не в цифрах, а в количестве попыток. Пальцы помнили комбинацию, но ее не помнил дом. Варя выудила из кармана почти разряженный телефон, написала маме. Та ответила сразу, будто сидела с открытым мессенджером и смотрела на экран. «Варюша, просто позвони, я открою». Варя набрала «64».

— Кто? — раздалось из динамика. Голос оказался незнакомым, и Варя окончательно растерялась.

— Я,— сказала Варя.

— Кто «я»?

— Зарецкая Варвара Алексеевна, восьмого апреля две тысячи пятого года рождения,— отрапортовала Варя, разозлившись на неведомую тетку.

— А-а-а, Варя, тебя давно было не видеть, маме привет,— смягчился голос, и дверь наконец, запищала.

Заходя в лифт, Варя начала гадать, а к тому ли дому она подошла? Если из родительской квартиры отвечала незнакомая женщина, которая, впрочем, знала Варю. И вообще, в тот ли город Варя приехала?

«Если лифт застрянет, звонить...» — прочла Варя. Дальше, видимо, был написан номер телефона. Но его зачеркнули и приписали сверху — «звони на небо, здесь не берут». Варя почувствовала холодок, пробежавший по шее, но успокоилась, увидев привычное «Антон — гандон с 2017-го». Варя тихонько засмеялась. Подумала, что с две тысячи семнадцатого лифт уже не раз перекрашивали, а то и во все — заменили. Сообщение о резиновом происхождении неведомого Антона никак не могло остаться с тех времен. Но, может быть, недоброжелатели данного персонажа обновили надпись? Истошно скрипнув, двери раскрылись. Лифт останавливался между пролетами, и Варя поняла: стащить чемодан по лестнице — последнее, что оставалось ей по силам на сегодня.

От лифта повернула направо. Кожзам на двери давно выцвел и потрескался, да еще и явно отклеивался в нижнем углу. Мама как-то решила, что сможет заменить обивку своими руками. Но пришлось все сажать обратно на клей «Момент». Единственной

новой деталью оказался блестящий металлом замок. Родители, годами ничего не менявшие в квартире, решили врезать другой сразу после Вариного отъезда. Варе это показалось символичным, хоть мама и клялась, будто старый просто давно держался на честном слове. Варя потянулась пальцами к звонку, заметила цифру над дверью — сто десять. На секунду замерла, а потом вздохнула с облегчением. Незнакомый голос в динамике у подъезда объяснился вполне прозаично: Варя действительно ломилась к чужим людям. Все мысли были про Егора, вот она и набрала в домофоне номер его квартиры.

Шаги в коридоре, тень возле глазка, щелчок. Варя застегнула молнию на худи до самого подбородка. Скандалить насчет татушки не хотелось. Было очевидно, что все равно придется, но Варя малодушно откладывала сей разговор, следя за тем, чтобы в соцсети не просочилась ни одна фотография ее тату. Ведь мама палила Варю во всех средствах информации практически с энергией спецслужб.

Обниматься оказалось ужасно неловко. Когда мама прижалась к Варе, ей захотелось отстраниться. А когда подошел папа — заплакать.

Ели молча. Варя обжигала язык любимым супом — сырным, с домашними фрикадельками. Мама наверняка упарилась его готовить. И теперь ей придется проверять тетрадки до ночи. Мама хорошо готовила. Варя — никак. Ложка звякнула о край тарелки.

— Что думаешь делать? — вдруг спросила мама.

— Лен, ну погоди, — папа как будто смутился, снял очки, принялся протирать их салфеткой. Он всегда побаивался Вариного нрава.

— Что «погоди», что я такого сказала? — тут же взвилась мама. — Спрашиваю дочь о ее планах!

— Дай ей хоть поесть!

Варя не удержалась и закатила глаза.

— Планы такие: сейчас доем, приму душ и хочу лечь. Я почти не спала ночью.

Мама вздохнула, вытащила из кармана связку ключей:

— Я тебе сделала таблетку от подъезда, ключ от верхнего замка и от ящика.

— Спасибо, — сказала Варя, недоумевая, зачем ей ключ от почтового ящика.

— И к бабушке завтра зайди, она ждет, — велела мама. Варя нехотя кивнула. — Ира про тебя спрашивала. Я вчера ее в «Пятерочке» встретила. Ты что, с ней не списывалась?

— Конечно, я ей писала. Она в курсе, что я приехала. Ладно, мне надо отдохнуть. Там у меня есть в шкафу какое-то постельное? Полотенце?

— Ты же все повыбросила, что не взяла, — тихо сказал папа. Варе стало совсем неловко. Вспомнила, как лихо она избавлялась от атрибутов прошлого всего несколько лет назад. Хотя прошлой Вари и правда больше не существовало. Была какая-то другая.

— Я тебе постелила, — отрезала мама и, поджав губы, спросила. — Твои волосы не покрасят мне бэлье?

— С чего бы?

— Да откуда мне знать. Я у тебя в ВК видела и синие, и розовые волосы, ты сама писала, что они красятся, когда идет дождь.

— Белые не красятся. Они просто осветленные.

— Как кукла Барби,— проворчала мама.— Может, тебя к Кристине Валерьевне записать? Меня она всегда хорошо красит.

— Да Лен, зачем ей к твоей Кристине, ей же не сидину закрашивать!

— Леш, я не тебя спрашиваю. Вдруг она хочет.

— Она не хочет.— Варя встала из-за стола. Попыталась помыть тарелку, мама выдернула посуду из рук чуть ли не силой. «Оставь, оставь, говорю, у нас кран брызжет, ты сейчас мне всю кухню зальешь». Варя смирилась и пошла разбирать чемодан.

Без света кухня выглядела совсем чужой. И родной одновременно. От этого было страшно. Варя практически видела перед собой питерскую квартиру: высокие окна, вид на типичный двор — небольшой кусочек неба и дом напротив. Здесь же в темноте серели новостройки на Спортивной, ломавшие весь привычный вид, с детства знакомый. И Варя снова с ужасом осознала, что не могла воскресить в своем сознании прежнюю картинку. Чайник начал посвистывать, и Варя тут же выключила газ. Чтобы мама не прилетела и не начала предлагать печенье или говорить, будто на ночь чай нельзя.

Варя открыла посудный шкаф почти машинально. Свои кружки она действительно выбросила перед отъездом. Одну, с КиШом, подарок Егора, забрала с собой, но расколотила в первую же неделю жизни в Питере. Папино «ведро» брать не стоило, станет искать. Пить из маминых не хотелось — слишком маленькие да еще и с отколотыми краями. В дальнем углу стояла еще одна чашка — Варя встала на цыпочки и вытащила ее. Забавно. Этапы эволюции челове-

ка, а последним был изображен теннисист с ракеткой. Варя сморщила лоб. Здесь никто никогда не играл в теннис, неужели папа решил заняться на старости-то лет? Варя ощутила странную тревогу, затолкала кружку обратно и сбегала в комнату за своим термосом.

Постельное белье оказалось новым. Значит, мама раскошелилась на комплект специально для Вари. Ей снова стало стыдно. У мамы был хороший вкус. Никаких аляповатых цветочков — красивый восточный орнамент темно-синего и голубого цвета. Варя поставила ноут на кровать, села по-турецки. В дверь кто-то поскребся, и Варя спрятала термос под одеяло.

— Ну как ты? — Мама, в ночнушке, поверх халат. На переносице — очки. Значит, что-то читала. Или работала.

— Отдыхаю. — Варя подтянула воротник пижамы вверх, будто подмерзла. Но целью было — прикрыть тату.

— Варюш, не ложись с мокрой головой. Простынешь.

— Я почти высохла. Плюс коротких волос.

— А какая была у тебя коса! — вздохнула мама и махнула рукой, увидев Варино выражение лица. — Ладно, спи. Спокойной ночи.

— Спокойной, — эхом повторила Варя. Дождялась, пока шаги в коридоре стихли. Вытащила термос, налила чай в крышку, подключила картридер к ноуту. Пока он перекидывал фотки, Варя открыла питерскую папку: хотела найти снимок, который показывала в нескольких редакциях, но везде ее под-

нимали на смех. Такое легко можно было наваять при помощи нейросетки или фотошопа, на худой конец — снять с двойной экспозицией. Проблема состояла в том, что Варя этого не делала.

Она фотографировала сталинскую столовую кардиосанатория на набережной Крестовки за несколько дней до сноса. Потом свалилась с гриппом и вернулась на то место, когда снос шел вовсю. Никакого здания уже не было. И Варя сделала новый кадр. А дальше началось нечто странное. До этого Соня ни разу не подводила. В моменты особой нежности Варя называла Соней свою любимую и единственную камеру, Sony, подаренную папой на совершеннолетие. Эх, знал бы папа тогда, что подарок увезет его дочь в Питер, не стал бы тратить свои накопления.

Так вот, на фотке, которую Варя сделала в процессе сноса столовой, сквозь забор стройки, пустоту и ковши экскаваторов просвечивало прежнее здание. С разбитыми окнами и пустыми арками первого этажа и стенами, исписанными граффити. Это было так похоже на то, что Варя увидела сегодня на Спортивной: как сквозь красную «хонду» на парковке проступал старый подъезд жилого дома.

Варя наконец долистала до того самого снимка, развернула его и вгляделась в контуры стен, которые вырисовывались сквозь хмурый кадр стройки. Никто не захотел публиковать ее серию о сносе исторических зданий Питера. Да и сама Варя была уверена, что Соня просто словила нехилый глюк.

Снимки догрузились, и Варя стала их разбирать. В голове невольно заиграла одна из недавно услышанных песен: «заплачет Обводный, ответит Московский». Новые и новые кадры города, о котором

Варя так мечтала, которым грезила, в который успела влюбиться. Варя считала эти кадры хорошими, но они так и не стали кому-то нужны.

Последние фотографии тетиной квартиры. Коридор с неудобной и тяжелой вешалкой. А вот и кухня. Подоконник, на котором тетя Маша выращивала базилик в обрезанных бутылках. Варя невольно задержалась на этом кадре.

Тетя просила звать ее просто Машей, помогала Варе красить волосы, хвалила Варины фотки, не снисходительно, а всерьез. Варя не пошла на похороны. Там на нее слишком злились и хотели, чтоб она скорее исчезла.

Следующий кадр — гостиная. Полупустая, Алла, двоюродная сестра Вари, уже вывезла часть книг, пока Варя спешно продавала свои вещи. Ноут спокойно шумел, будто ничего не произошло, но Варя застыла. На снимке в своем любимом кресле сидела тетя Маша. Живая, спокойная, будто просто ждала, когда Варя на нее посмотрит. Крышка термоса задрожала в Вариных пальцах. Варя поставила ее на пол, часть чая выплеснулась и обожгла ладонь. Но Варя почти не заметила боли.

На фото тетя Маша осталась точно такой же, какой Варя запомнила ее в свой первый питерский вечер: в мягком кашемировом свитере, с чашкой в руках, улыбалась тепло и чуть лукаво. Потом Варя случайно постирала тот свитер со своим бельем, уменьшив его до такой степени, что он едва налез бы на чихуахуа. Но тетя не ругалась, зато как хохотала!

Варя судорожно пыталась вспомнить, снимала ли она тетю тогда, остались ли ее фотки в злополучном свитере? Как Варина камера или ноутбук могли на-

столько заглянуть, чтобы наложить друг на друга фотки с разницей в несколько лет?

Варя думала: завтра же найдет мастера. Пускай разбирает Соню по винтикам, проверяет матрицу и другие внутренности. Только что он скажет? Что камера исправна? Что не бывает таких поломок? А тетя все смотрела и смотрела на Варю с фотографии, которой не должно было быть.